

Ф. М. Достоевский

Братья Карамазовы

Истинно, истинно говорю вамъ:
если пшеничное зерно, падши въ землю, не
умретъ, то останется одно; а если умретъ,
то принесетъ много плода.

(Евангеліе отъ Іоанна. Глава XII, 24.)

ОТЪ АВТОРА.

Начиная жизнеописание героя моего, Алексѣя Ѳедоровича Карамзова, нахожусь въ нѣкоторомъ недоумѣніи. А именно: хотя я и называю Алексѣя Ѳедоровича моимъ героемъ, но однако самъ знаю что человѣкъ онъ отнюдь не великій, а посему и предвижу неизбежные вопросы въ родѣ таковыхъ: чѣмъ же замѣчателенъ вашъ Алексѣй Ѳедоровичъ что вы выбрали его своимъ героемъ? Что сдѣлалъ онъ такого? Кому и чѣмъ извѣстенъ? Почему я, читатель, долженъ тратить время на изученіе фактовъ его жизни?

Послѣдній вопросъ самый роковой, ибо на него могу лишь отвѣтить: "Можетъ-быть увидите сами изъ романа". Ну а коль прочтутъ романъ и не увидятъ, не согласятся съ примѣчателностью моего Алексѣя Ѳедоровича? Говорю такъ потому что съ прискорбіемъ это предвижу. Для меня онъ примѣчателенъ, но рѣшительно сомнѣваюсь успѣю ли это доказать читателю. Дѣло въ томъ, что это пожалуй и дѣятель, но дѣятель неопредѣленный, не выяснившійся. Впрочемъ странно бы требовать въ такое время какъ наше отъ людей ясности. Одно, пожалуй, довольно несомнѣнно: это человѣкъ странный, даже чужакъ. Но странность и чудачество скорѣе вредятъ чѣмъ даютъ право на вниманіе, особенно когда всѣ стремятся къ тому чтобъ объединить частности и найти хоть какой-нибудь общій толкъ во всеобщей безтолочи. Чужакъ же въ большинствѣ случаевъ частность и обособленіе. Не такъ ли?

Вотъ если вы не согласитесь съ этимъ послѣднимъ тезисомъ, и отвѣтите: "Не такъ", или "не всегда такъ", то я пожалуй и ободрюсь духомъ на счетъ значенія героя моего Алексѣя Ѳедоровича. Ибо не только чужакъ "не всегда" частность и обособленіе, а напротивъ бываетъ такъ что онъ-то пожалуй и носить въ себѣ иной разъ сердцевину цѣлаго, а остальные люди его эпохи — всѣ, какимъ-нибудь наплывнымъ вѣтромъ, на время почему-то отъ него оторвались...

Я бы впрочемъ не пускался въ эти весьма нелюбопытныя и смутныя объясненія и началъ бы просто-запросто безъ предисловія: понравится, такъ и такъ прочтутъ; но бѣда въ томъ что жизнеописание-то у меня одно, а романовъ два. Главный романъ второй, — это дѣятельность моего героя уже въ наше время, именно въ нашъ теперешній текущій моментъ. Первый же романъ произошелъ еще тринадцать лѣтъ назадъ, и есть почти даже и не романъ, а лишь одинъ моментъ изъ первой юности моего героя. Обойтись мнѣ безъ этого перваго романа невозможно, потому что многое во второмъ романѣ стало бы непонятнымъ. Но такимъ образомъ еще усложняется первоначальное мое затрудненіе: если ужъ я, то-

есть самъ біографъ, нахожу что и одного-то романа можетъ-быть было бы для такого скромнаго и неопредѣленнаго героя излишне, то каково же являться съ двумя и чѣмъ объяснить такую съ моей стороны заносчивость?

Теряясь въ разрѣшеніи сихъ вопросовъ, рѣшаюсь ихъ обойти безо всякаго разрѣшенія. Разумѣется прозорливый читатель уже давно угадалъ что я съ самаго начала къ тому клонилъ, и только досадовалъ на меня зачѣмъ я даромъ трачу безплодные слова и драгоценное время. На это отвѣчу уже въ точности: тратилъ я безплодные слова и драгоценное время, во первыхъ, изъ вѣжливости, а вовторыхъ, изъ хитрости: "все-таки дескать заранѣ въ чемъ-то предупредилъ". Впрочемъ я даже радъ тому что романъ мой разбился самъ собою на два разказа "при существенномъ единствѣ цѣлаго": познакомившись съ первымъ разказомъ, читатель уже самъ опредѣлитъ: стоитъ ли ему приниматься за второй? Конечно никто ничѣмъ не связанъ, можно бросить книгу и съ двухъ страницъ перваго разказа, съ тѣмъ чтобъ и не раскрывать болѣе. Но вѣдь есть такіе деликатные читатели которые непримѣнно захотятъ дочитать до конца чтобъ не ошибиться въ безпристрастномъ сужденіи, такъ какъ напримѣръ всѣ русскіе критики. Такъ вотъ предъ такими-то все-таки сердцу легче: несмотря на всю ихъ аккуратность и добросовѣстность все-таки даю имъ самый законный предлогъ бросить разказъ на первомъ эпизодѣ романа. Ну вотъ и все предисловіе. Я совершенно согласенъ что оно лишнее, но такъ какъ оно уже написано, то пусть и останется.

А теперь къ дѣлу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ. ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЕЙКИ.

I.

Федоръ Павловичъ Карамазовъ.

Алексѣй Федоровичъ Карамазовъ былъ третьимъ сыномъ помѣщика нашего уѣзда Федора Павловича Карамазова, столь извѣстнаго въ свое время (да и теперь еще у насъ припоминаемаго) по трагической и темной кончинѣ своей, приключившейся ровно тринадцать лѣтъ назадъ и о которой сообщу въ своемъ мѣстѣ. Теперь же скажу объ этомъ "помѣщикѣ" (какъ его у насъ называли, хотя онъ всю жизнь совсѣмъ почти не жилъ въ своемъ помѣстьи) лишь то что это былъ странный типъ довольно часто однако встрѣчающійся, именно типъ человѣка не только дряннаго и развратнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безтолковаго, — но изъ такихъ однако безтолковыхъ которые умѣютъ отлично обдѣлывать свои имущественныя дѣлишки, и только кажется одни эти. Федоръ Павловичъ, напримѣръ, началъ почти что ни съ чѣмъ, помѣщикъ онъ былъ самый маленькій, бѣгалъ обѣдать по чужимъ столамъ, наровиль въ приживальщики, а между тѣмъ въ моментъ кончины его у него оказалось до ста тысячъ рублей чистыми деньгами. И въ то же время онъ все-таки всю жизнь свою продолжалъ быть однимъ изъ безтолковѣйшихъ сумасбродовъ по всему нашему уѣзду. Повторю еще: тутъ не глупость; большинство этихъ сумасбродовъ довольно умно и хитро, — а именно безтолковость, да еще какая-то особенная, національная.

Онъ былъ женатъ два раза и у него было три сына, — старшій, Дмитрій Федоровичъ, отъ первой супруги, а остальные два, Иванъ и Алексѣй, отъ второй. Первая супруга Федора Павловича была изъ довольно богатаго и знатнаго рода дворянъ Миусовыхъ, тоже помѣщиковъ нашего уѣзда. Какъ именно случилось что дѣвушка съ приданымъ, да еще красивая и сверхъ того изъ бойкихъ умницъ, столь не рѣдкихъ у насъ въ теперешнее поколѣніе, но появлявшихся уже и въ прошломъ, могла выйти замужъ за такого ничтожнаго "мозгляка", какъ все его тогда называли, объяснять слишкомъ не стану. Вѣдь зналъ же я одну дѣвицу, еще въ запришломъ "романтическомъ" поколѣніи, которая

послѣ нѣсколькихъ лѣтъ загадочной любви къ одному господину, за котораго впрочемъ всегда могла выйти замужъ самымъ спокойнымъ образомъ, кончила однакоже тѣмъ что сама навдумала себѣ непреодолимыя препятствія и въ бурную ночь бросилась съ высокаго берега похожаго на утесъ въ довольно глубокую и быструю рѣку и погибла въ ней рѣшительно отъ собственныхъ капризовъ, единственно изъ-за того чтобы походить на Шекспировскую Офелію и даже такъ что будь этотъ утесъ, столь давно ею намѣченный и излюбленный, не столь живописенъ, а будь на его мѣстѣ лишь прозаическій плоскій берегъ, то самоубійства можетъ-быть не произошло бы вовсе. Фактъ этотъ истинный, и надо думать что въ нашей русской жизни, въ два или даже въ три послѣднія поколѣнія, такихъ или однородныхъ съ нимъ фактовъ происходило не мало. Подобно тому и поступокъ Аделаиды Ивановны Міусовой былъ безъ сомнѣнія отголоскомъ чужихъ вѣяній и тоже плѣнной мысли раздраженіемъ. Ей можетъ-быть захотѣлось заявить женскую самостоятельность, пойти противъ общественныхъ условій, противъ деспотизма своего родства и семейства, а услужливая фантазія убѣдила ее, положимъ на одинъ только мигъ, что Ѳедоръ Павловичъ, несмотря на свой чинъ приживальщика, все-таки одинъ изъ смѣлѣйшихъ и насмѣшливѣйшихъ людей той, переходной ко всему лучшему, эпохи, тогда какъ онъ былъ только злой шутъ и больше ничего. Пикантное состояло еще и въ томъ что дѣло обошлось увозомъ, а это очень прельстило Аделаиду Ивановну. Ѳедоръ же Павловичъ на всѣ подобные пассажи былъ даже и по соціальному своему положенію весьма тогда подготовленъ, ибо страстно желалъ устроить свою карьеру, хотя чѣмъ бы то ни было; примазаться же къ хорошей роднѣ и взять приданое было очень заманчиво. Что же до обоюдной любви, то ея вовсе кажется не было — ни со стороны невѣсты, ни съ его стороны, несмотря даже на красоту Аделаиды Ивановны. Такъ что случай этотъ былъ можетъ-быть единственнымъ въ своемъ родѣ въ жизни Ѳедора Павловича, сладострастнѣйшаго человека во всю свою жизнь, въ одинъ мигъ готового прильнуть къ какой угодно юпкѣ только бы та его поманила. А между тѣмъ одна только эта женщина не произвела въ немъ со страстной стороны никакого особеннаго впечатлѣнія.

Аделаида Ивановна, тотчасъ же послѣ увоза, мигомъ разглядѣла что мужа своего она только презираетъ и больше ничего. Такимъ образомъ слѣдствія брака обозначились съ чрезвычайною быстротой. Несмотря на то что семейство даже довольно скоро примирилось съ событіемъ и выдѣлило бѣглянкѣ приданое, между супругами началась самая беспорядочная жизнь и вѣчныя сцены. Разказывали что молодая

супруга выказала притомъ несравненно болѣе благородства и возвышенности нежели Ѳеодоръ Павловичъ, который, какъ извѣстно теперь, подтибрилъ у нея тогда же, разомъ, всѣ ея денежки, до двадцати пяти тысячъ, только что она ихъ получила, такъ что тысячки эти съ тѣхъ поръ рѣшительно какъ бы канули для нея въ воду. Деревеньку же и довольно хорошій городской домъ, которые тоже пошли ей въ приданое, онъ долгое время и изо всѣхъ силъ старался перевести на свое имя чрезъ совершеніе какого-нибудь подходящаго акта, и навѣрно бы добился того изъ одного такъ-сказать презрѣнія и отвращенія къ себѣ которое онъ возбуждалъ въ своей супругѣ ежеминутно своими безстыдными вымогательствами и вымаливаніями, изъ одной ея душевной усталости, только чтобъ отвязался. Но къ счастью вступилось семейство Аделаиды Ивановны и ограничило хапугу. Положительно извѣстно что между супругами происходили нерѣдкія драки, но по преданію билъ не Ѳеодоръ Павловичъ, а была Аделаида Ивановна, дама горячая, смѣлая, смуглая, нетерпѣливая, одаренная замѣчательною физическою силой. Наконецъ она бросила домъ и сбѣжала отъ Ѳеодора Павловича съ однимъ погибавшимъ отъ нищеты семинаристомъ-учителемъ, оставивъ Ѳеодору Павловичу на рукахъ трехлѣтняго Митю. Ѳеодоръ Павловичъ мигомъ завелъ въ домъ цѣлый гаремъ и самое забубенное пьянство, а въ антрактахъ ѣздилъ чуть не по всей губерніи и слезно жаловался всѣмъ и каждому на покинувшую его Аделаиду Ивановну, причемъ сообщалъ такія подробности, которыя слишкомъ бы стыдно было сообщать супругу о своей брачной жизни. Главное, ему какъ будто пріятно было и даже льстило разыгрывать предъ всѣми свою смѣшную роль обиженного супруга и съ прикрасами даже расписывать подробности о своей обидѣ. "Подумаешь что вы, Ѳеодоръ Павловичъ, чинъ получили, такъ вы довольны несмотря на всю вашу горестъ", говорили ему насмѣшники. Многіе даже прибавляли что онъ радъ явиться въ подновленномъ видѣ шута и что нарочно, для усиленія смѣха, дѣлаетъ видъ что не замѣчаетъ своего комическаго положенія. Кто знаетъ, впрочемъ, можетъ-быть было это въ немъ и наивно. Наконецъ ему удалось открыть слѣды своей бѣглянки. Бѣдняжка оказалась въ Петербургѣ, куда переехала со своимъ семинаристомъ и гдѣ беззавѣтно пустилась въ самую полную эманципацію. Ѳеодоръ Павловичъ немедленно захопоталъ и сталъ собираться въ Петербургъ, — для чего? — онъ конечно и самъ не зналъ. Право можетъ-быть онъ бы тогда и поѣхалъ; но предпринявъ такое рѣшеніе тотчасъ же почелъ себя въ особенномъ правѣ, для бодрости, предъ дорогой, пуститься вновь въ самое безбрежное пьянство. И вотъ въ это-то время, семействомъ его супруги получилось извѣстіе о смерти ея въ Петербургѣ. Она какъ-то

вдругъ умерла, гдѣ-то на чердакѣ, по однимъ сказаніямъ отъ тифа, а по другимъ, будто бы съ голоду. Ѳедоръ Павловичъ узналъ о смерти своей супруги пьяный, говорятъ побѣждалъ по улицѣ и началъ кричать, въ радости воздѣвая руки къ небу: "нынѣ отпускаеши", а по другимъ плакалъ навзрыдъ какъ маленькій ребенокъ и до того что говорятъ жалко даже было смотрѣть на него несмотря на все къ нему отвращеніе. Очень можетъ быть что было и то и другое, то-есть что и радовался онъ своему освобожденію и плакалъ по освободительницѣ, все вмѣстѣ. Въ большинствѣ случаевъ люди, даже злодѣи, гораздо наивнѣе и простодушнѣе чѣмъ мы вообще о нихъ заключаемъ. Да и мы сами тоже.

II.

Перваго сына спровадилъ.

Конечно можно представить себѣ какимъ воспитателемъ и отцомъ могъ быть такой человѣкъ. Съ нимъ какъ съ отцомъ именно случилось то что должно было случиться, то-есть онъ вовсе и совершенно бросилъ своего ребенка прижитаго съ Аделаидой Ивановной, не по злобѣ къ нему или не изъ какихъ-нибудь оскорбленно-супружескихъ чувствъ, а просто потому что забылъ о немъ совершенно. Пока онъ докучалъ всѣмъ своими слезами и жалобами, а домъ свой обратилъ въ развратный вертепъ, трехлѣтняго мальчика Митю взялъ на свое попеченіе вѣрный слуга этого дома Григорій, и не позаботясь онъ тогда о немъ, то можетъ-быть на ребенкѣ некому было бы перемѣнить рубашонку. Къ тому же такъ случилось что родня ребенка по матери тоже какъ бы забыла о немъ въ первое время. Дѣда его, то-есть самого господина Міусова, отца Аделаиды Ивановны, тогда уже не было въ живыхъ; овдовѣвшая супруга его, бабушка Мити, переѣхавшая въ Москву, слишкомъ расхворалась, сестры же повышли замужъ, такъ что почти цѣлый годъ пришлось Митѣ пробыть у слуги Григорія и проживать у него въ дворовой избѣ. Впрочемъ еслибы папаша о немъ и вспомнилъ (не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, не знать о его существованіи), то и самъ сослалъ бы его опять въ избу, такъ какъ ребенокъ все же мѣшалъ бы ему въ его дебоширствѣ. Но случилось такъ что изъ Парижа вернулся двоюродный братъ покойной Аделаиды Ивановны, Петръ Александровичъ Міусовъ, многіе годы сряду выжившій потомъ за границей, тогда же еще очень молодой человѣкъ, но человѣкъ особенный между Міусовыми, просвѣщенный, столичный, заграничный и притомъ всю жизнь свою Европеецъ, а подъ конецъ жизни либераль сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Въ продолженіе своей

карьеру онъ перебивалъ въ связяхъ со многими либеральнѣйшими людьми своей эпохи, и въ Россіи, и за границей, знавалъ лично и Прудона и Бакунина и особенно любилъ вспоминать и разказывать, уже подъ концемъ своихъ странствій, о трехъ дняхъ февральской Парижской революціи сорокъ восьмага года, намекая что чуть ли и самъ онъ не былъ въ ней участникомъ на баррикадахъ. Это было одно изъ самыхъ отраднѣйшихъ воспоминаній его молодости. Имѣлъ онъ состояніе независимое, по прежней пропорціи около тысячи душъ. Превосходное имѣніе его находилось сейчасъ же на выѣздѣ изъ нашего городка и граничило съ землей нашего знаменитаго монастыря, съ которымъ Петръ Александровичъ, еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, какъ только получилъ наслѣдство, мигомъ началъ нескончаемый процессъ за право какихъ-то ловель въ рѣкѣ, или порубокъ въ лѣсу, доподлинно не знаю, но начать процессъ съ "клерикалами" почелъ даже своею гражданскою и просвѣщенною обязанностію. Услышавъ все про Аделаиду Ивановну, которую разумѣется помнилъ и когда-то даже замѣтилъ, и узнавъ что остался Митя, онъ, несмотря на все молодое негодованіе свое и презрѣніе къ Ѳеодору Павловичу, въ это дѣло ввязался. Тутъ-то онъ съ Ѳеодоромъ Павловичемъ въ первый разъ и познакомился. Онъ прямо ему объявилъ что желалъ бы взять воспитаніе ребенка на себя. Онъ долго потомъ разказывалъ, въ видѣ характерной черты, что когда онъ заговорилъ съ Ѳеодоромъ Павловичемъ о Митѣ, то тотъ нѣкоторое время имѣлъ видъ совершенно не понимающаго о какомъ такомъ ребенкѣ идетъ дѣло и даже какъ бы удивился что у него есть гдѣ-то въ домѣ маленькій сынъ. Если въ разказѣ Петра Александровича могло быть преувеличеніе, то все же должно было быть и нѣчто похожее на правду. Но дѣйствительно Ѳеодоръ Павловичъ всю жизнь свою любилъ представляться, вдругъ проиграть предъ вами какую-нибудь неожиданную роль, и, главное, безо всякой иногда надобности, даже въ прямой ущербъ себѣ, какъ въ настоящемъ примѣрѣ случаѣ. Черта эта впрочемъ свойственна чрезвычайно многимъ людямъ и даже весьма умнымъ, не то что Ѳеодору Павловичу. Петръ Александровичъ повелъ дѣло горячо и даже назначенъ былъ (купно съ Ѳеодоромъ Павловичемъ) въ опекуны ребенку, потому что все же послѣ матери оставалось имѣніище, домъ и помѣстье. Митя дѣйствительно переѣхалъ къ этому двоюродному дядѣ, но собственнаго семейства у того не было, а такъ какъ самъ онъ, едва лишь уладивъ и обезпечивъ свои денежныя полученія съ своихъ имѣній, немедленно поспѣшилъ опять надолго въ Парижъ, то ребенка и поручилъ одной изъ своихъ двоюродныхъ тетокъ, одной московской барынѣ. Случилось такъ что обжившись въ Парижѣ и онъ забылъ о ребенкѣ, особенно когда на-

стала та самая февральская революція столь поразившая его воображеніе и о которой онъ уже не могъ забыть всю свою жизнь. Московская же барыня умерла и Митя перешелъ къ одной изъ замужнихъ ея дочерей. Кажется онъ и еще потомъ перемѣнилъ уже въ четвертый разъ гнѣздо. Объ этомъ я теперь распространяться не стану, тѣмъ болѣе что много еще придется разказывать объ этомъ первенцѣ Ѳедора Павловича, а теперь лишь ограничиваюсь самыми необходимыми о немъ свѣдѣніями безъ которыхъ мнѣ и романа начать невозможно.

Вопервыхъ, этотъ Дмитрій Ѳедоровичъ былъ одинъ только изъ трехъ сыновей Ѳедора Павловича, который росъ въ убѣжденіи что онъ все же имѣетъ нѣкоторое состояніе и когда достигнетъ совершенныхъ лѣтъ, то будетъ независимъ. Юность и молодость его протекли безпорядочно: въ гимназіи онъ не доучился, попалъ потомъ въ одну военную школу, потомъ очутился на Кавказѣ, выслужился, дрался на дуэли, былъ разжалованъ, опять выслужился, много кутилъ и, сравнительно, прожилъ довольно денегъ. Сталъ же получать ихъ отъ Ѳедора Павловича не раньше совершеннолѣтія, а до тѣхъ поръ надѣлалъ долговъ. Ѳедора Павловича, отца своего, узналъ и увидалъ въ первый разъ уже послѣ совершеннолѣтія, когда нарочно прибылъ въ наши мѣста объясниться съ нимъ насчетъ своего имущества. Кажется родитель ему и тогда не понравился; пробылъ онъ у него не долго и уѣхалъ поскорѣй, успѣвъ лишь получить отъ него нѣкоторую сумму, и войдя съ нимъ въ нѣкоторую сдѣлку насчетъ дальнѣйшаго полученія доходовъ съ имѣнія, котораго (фактъ достопримѣчательный) ни доходности, ни стоимости онъ въ тотъ разъ отъ Ѳедора Павловича такъ и не добился. Ѳедоръ Павловичъ замѣтилъ тогда, съ перваго разу (и это надо запомнить) что Митя имѣетъ о своемъ состояніи понятіе преувеличенное и невѣрное. Ѳедоръ Павловичъ былъ очень этимъ доволенъ, имѣя въ виду свои особые разчеты. Онъ вывелъ лишь что молодой человѣкъ легкомысленъ, буненъ, со страстями, нетерпѣливъ, кутила и которому только чтобы что-нибудь временно перехватить и онъ хоть на малое время разумѣется, но тотчасъ успокоится. Вотъ это и началъ эксплуатировать Ѳедоръ Павловичъ, то-есть отдѣлываться малыми подачками, временными высылками и въ концѣ концовъ такъ случилось что когда, уже года четыре спустя, Митя, потерявъ терпѣніе, явился въ нашъ городокъ въ другой разъ чтобы совсѣмъ ужъ покончить дѣла съ родителемъ, то вдругъ оказалось, къ его величайшему изумленію, что у него уже ровно нѣтъ ничего, что и сосчитать даже трудно, что онъ перебралъ уже деньгами всю стоимость своего имущества у Ѳедора Павловича, можетъ-быть еще даже самъ долженъ ему; что по такимъ-то и такимъ-то сдѣлкамъ въ которыя самъ